

ШУВАЛОВ Ю. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П. и в НКВД

ПОШЕХОНОВА Прасковья Прокофьевна, родилась в 1855. Получила среднее образование. Вышла замуж за Дмитрия Пошехонова, в семье — дочь Александра. В 1930-х — проживала с дочерью и внуком в Ленинграде. В марте 1935 — выслана с дочерью и внуком из Ленинграда в Куйбышев на 5 лет.

ШУВАЛОВА (урожд. Пошехонова) Александра Дмитриевна, родилась в 1885 (отец, Пошехонов Дмитрий; мать Пошехонова Прасковья Прокофьевна). Получила среднее образование, работала машинисткой в учреждении. Вышла замуж за Николая Шувалова, совладельца конфетной фабрики, в семье — сын Юрий. Проживала с мужем в Ленинграде, занималась домашним хозяйством и воспитанием сына, позднее — в разводе с мужем; работала машинисткой в конторе. В марте 1935 — выслана с матерью и сыном из Ленинграда в Куйбышев на 5 лет.

ШУВАЛОВ Юрий Николаевич, родился в 1912 (отец, Шувалов Николай; мать Шувалова Александра Дмитриевна). Окончил среднюю школу, работал электромонтером на заводе "Светлана". В 1930 — призван в Красную армию. В 1933 — после демобилизации работал бригадиром, техником-испытателем, мастером цеха и инспектором ОТК на заводе "Светлана"; параллельно окончил партийную школу и курсы подготовки в Литературный университет, был также рабкором в газете. В марте 1935 — выслан с матерью и бабушкой из Ленинграда в Куйбышев на 5 лет; работал слесарем на хлебозаводе. В декабре 1935 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<20 декабря 1935>

«Е. П. ПЕШКОВОЙ

(Помощь политическим заключенным)

Я получил от Вас отношение № 5079, в котором Вы сообщаете в ответ на мое обращение, "что согласно полученной справке, приговор не изменен". Подобный ответ меня, во-первых, не удовлетворяет, а во-вторых, заставляет думать, что Вы не поняли моей просьбы, ограничившись одним наведением справки. Поэтому, я решил повторить мою просьбу, по возможности уточнив ее.

Я не прошу наводить справки в соответствующих учреждениях по моему делу, т<ак> к<ак> я получил непосредственно уведомление об отказе в пересмотре дела. Я прошу Вас войти с ходатайством по нему, дав свое заключение, добиться его пересмотра и выступить с защитой моих интересов, т<ак> к<ак> я сам не могу прибыть в Москву, являясь ссыльным.

Вкратце повторяю сущность дела: 23 марта 1935 г<ода> я был выслан из Ленинграда в Куйбышев без предъявления обвинения. В дальнейшем мне было сказано в НКВД, что основанием для ссылки является мое социальное происхождение (мой отец до революции акционер фабрики, после революции своей долголетней работой полностью доказавший свое честное и добросовестное отношение к социалистическому строительству).

Я подробно указывал, что я сам, работая 5 с лишним лет на заводе "Светлана" в Ленинграде, участвуя в общественной жизни завода, выступая в печати, работая в Комсомоле и т<ак> д<алее>, зарекомендовал себя никак ни с плохой стороны. Ни тени подозрения ко мне за все время моей жизни в Ленинграде не могло быть, и никакого наказания я заслужить, разумеется, не мог.

Поэтому моя высылка явилась результатом ошибки, основанной на недостаточно дифференцированном подходе к людям.

Однако, я допускаю, что в условиях Ленинграда, особо важного стратегического центра, была необходимость проведения такого радикального мероприятия, которое затронуло бы интересы отдельных граждан, ни в чем не виновных, кроме происхождения, и которое явилось бы своего рода профилактической мерой, но я совсем не понимаю, зачем потребовалось меня причислять к преступникам, снабдив позорным наименованием ссыльного, когда необходимо было лишь переселить меня в другой пункт СССР. В результате я был выслан с ни кому не нужной спешкой, выгодной только мебельным спекулянтам и брошен в чужой город совершенно лишним человеком, на пользу только владельцам частных домов и спекулянтов жилплощадью.

Но этим не ограничилось данное мне наказание. Вместо паспорта я получил удостоверение административно ссыльного, и теперь в любом учреждении, на любом предприятии от меня шарахаются, как от зачумленного. Будучи техником-электриком, я в продолжение 9 месяцев не мог получить и не получу никогда с указанным документам соответствующее моей специальности место, несмотря на то, что уже несколько раз мог бы устроиться, будь я не зачислен к разряду преступников. Ясно, что электрохозяйство любого завода наиболее ответственная часть, и никто не допустит к ней чем-нибудь запятнанного человека. Поэтому я принужден работать не по специальности — слесарем на хлебозаводе, имея ничтожный заработок. То же самое и с моей матерью-машинисткой, которая до сего времени не может найти работу.

Отсюда ясно, что страдаю не один я. Существующее положение приносит ущерб и социалистическому строительству вообще, ибо я не могу передать ему все мои знания и мой опыт при всем моем горячем желании сделать это.

Но существующее положение не только наносит ущерб, а становится совершенно невозможным и далее продолжаться не может вовсе. На мой заработок (168 р<ублей>) я, разумеется, не могу содержать и себя, и безработную мать, и совсем нетрудоспособную восьмидесятилетнюю бабушку. Так или иначе, это положение должно разрешиться. И единственным удовлетворительным разрешением и в интересах государства, и в моих личных интересах, является удовлетворение моей просьбы.

Моя просьба сводится к следующему:

Я прошу вернуть мне все права советского гражданина, выдав мне и членам семьи нормальный паспорт. Если это будет сделано, — я где угодно смогу получить работу по специальности и никакой надобности в Ленинграде у меня не будет. Если же невозможно удовлетворение моей просьбы сразу, прошу разрешить матери — Шуваловой Александре Дмитриевне и бабушке Пошехоновой Прасковье Прокофьевне переехать в г<ород> Кутаис, где они смогут жить на иждивении моего отца.

Вне зависимости от результатов, прошу сообщить, что Вами предпринято к моему делу, что Вы можете сделать, что еще требуется от меня, куда я еще могу обратиться и на что рассчитывать.

Ю. Шувалов

20 декабря 1935 г<ода>.

А д р е с: г<ород> Куйбышев, Желябовская ул<ица>, д<ом> 30, кв. 3.
Шувалов Юрий Николаевич¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1471. С. 93-95. Машинопись, подпись — автограф.

В январе 1936 — Юрий Николаевич Шувалов вновь обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<13 января 1936>

«Тов<арищу> Е. П. ПЕШКОВОЙ
Помощь Политическим заключенным

Ш у в а л о в а Юрия Николаевича,
23<-х> лет. Административно
ссылного гор<ода> Куйбышева,
прожив<ающий> Желябовская, 30

З а я в л е н и е

23 марта 1935 года я был выслан из Ленинграда органами НКВД в г<ород> Куйбышев без всякого предъявления обвинения. Как потом мне было устно разъяснено, основанием для моей ссылки явилось только мое социальное происхождение — и ничего больше (мой отец до революции был совладельцем кондитерской фабрики). Считая решение НКВД в отношении меня неверным, я неоднократно его обжаловал, как по линии самого НКВД, так и в прокуратуру, но, получал отрицательные ответы или не получал их вовсе. Причем никаких объяснений, почему мои жалобы были оставлены без последствий, я вовсе не получал, что заставляет думать, что они вовсе не разбирались. Поэтому, я вновь прошу пересмотреть мое дело и надеюсь, что на этот раз не последует отрицательного, вопреки здравому смыслу ответа.

Своего социального происхождения я никогда и нигде не скрывал, и, вступая в профсоюз и в комсомол, и при приеме в РККА, и когда меня посылали на учебу (в Совпартшколу, на курсы подготовки в ВУЗ, в Литературный Университет). На заводе "Светлана", где я работал 5 с лишним лет, я всегда был на хорошем счету, был неоднократно премирован за производственную работу, за изобретательство, за рабкоровскую и литературную работу в газете, и никогда не замечал ни тени недоверия ко мне, хотя бы по причине происхождения. На "Светлане" я работал (последовательно): электромонтером II, III, IV, V разрядов, бригадиром бригады коммуны, техником-испытателем, мастером цеха, инспектором ОТК, и, как видно, мне доверялась ответственная работа. По общественной линии я работал в цеховом комитете, был членом бюро ячейки и бюро комитета В Л К С М, редактором Комсомольской странички печатной газеты, являлся организатором цеховой стенгазеты и общезаводского Литературного кружка. Поэтому, мой арест и сугубо тенденциозный вопрос в НКВД были для меня полной неожиданностью, и я впервые в жизни был встречен как враг и преступник. Я достаточно политически грамотен, чтобы понимать мероприятия партии и правительства в смысле обороны от внешней и остатков внутренней контрреволюции, но полагаю, что в отношении меня совершена ошибка по грубому недоразумению.

Я вовсе не протестовал бы, если бы я действительно потребовался социалистическому строительству и был бы послан хотя бы в г<ород> Куйбышев или другое место. Но условия теперешнего моего здесь пребывания явно бессмысленны. Я имею волчий паспорт — удостоверение административно ссылного, по которому, разумеется, не могу найти место по своей специальности, т<ак> к<ак> я электрик, в Ленинграде занимал технические должности, и мне теперь никто не доверяет ответственную работу.

Мне приходится работать слесарем или монтером, и то, поступать с большим трудом или на временные работы, долгое время ходить безо всякой работы или неделями оформляться. Даже работы на самых низших должностях для меня почти невозможны: я окружен атмосферой недоверия, ко мне относятся не как к обыкновенному человеку, и когда происходит малейшее недоразумение, хоть я и не имею к нему абсолютно никакого отношения — взор всех устремляется на меня, как на уже чем-то запятнанного человека.

В этом корень прямо-таки трагических последствий. Если в Ленинграде моя работа как производственная, так и общественная была честной и плодотворной, и ею я зарекомендовал себя как производственника-ударника, как активного комсомольца и рабкора, как учащегося-отличника тех учебных заведений, куда меня посылали заводские организации, то теперь я не могу показать образцов отличной работы, т<ак> к<ак> каждый мой шаг встречается недоверием, моя инициатива глушится, как будто, враждебное проявление, и люди нарочно ищут, в чем бы меня обвинить, будто у меня на лбу написано, что я — преступник.

Какой огромный контраст между моим положением до и после ссылки! Дело вовсе не в том, где происходит действие — в Ленинграде или в Куйбышеве. Не все ли равно? До ссылки я работал, учился, выполнял все свои обязанности, никогда не подвергался взысканиям ни по административной, ни по комсомольской линии. С самого начала работы на заводе я сделался активным рабкором и поместил в заводской газете огромное количество заметок, статей, рецензий и литературных произведений, освещая недочеты в самых разнообразных областях заводской жизни, вскрывая извращения партийных и правительственных установок. Несколько десятков рационализаторских предложений были мной поданы, многие осуществлены и приносят экономию. И после того, когда мою работу отмечали на собраниях и в печати, когда мне выплачивались многочисленные премии за производственную, рационализаторскую и рабкоровскую работу, когда мой портрет появлялся на страницах газет "Светлана" (несколько раз 1931-34 г<ода>), "Смена" (апрель 1931 г<ода>), "Красная газета" (август 1931 г<ода>) и журнал "Комсомол и электрификация" (1931, 1933 г<оды>), когда журнал "Рабселькор" давал статью под заглавием "Вырастим десятки Шуваловых" (июль 1934 г<ода>) — и после этого не кажутся ли абсурдными репрессивные меры, применяемые ко мне сейчас?

Неужели нужно "вырастить десятки Шуваловых", чтобы потом их сослать куда-нибудь и бросить на произвол судьбы? Ведь ясно же, что, будучи ссылкой, я не могу также успешно работать, мое поле деятельности сужено в несколько раз и огорожено колючей проволокой.

Положение ухудшается тем, что я не один. На моем иждивении находятся мать 50 лет и бабушка 80 лет, и ясно, что на мой ничтожный заработок мы прожить втроем не можем. Ко всему этому прибавляются ужасные жилищные условия: За полуотгороженную комнату в частной лачуге мы платим 60 руб<лей>. Невольно напрашивается вывод, что ссылка эта выгодна только спекулянтам жил<ищной> площадью, и уж никак не советскому строительству, которое терпит только ущерб: ведь квалифицированные рабочие руки пропадают даром! Ведь даром пропадают те средства, которые затрачены советской властью на мое воспитание и обучение, начиная от школы и кончая университетом! Я прошу хоть на минуту задуматься над этим положением, объективно представить себе всю бессмысленность и вредность мероприятий, которые применены ко мне. Надо понять, что выслать меня таким

порядком могли только по роковой ошибке в страшной спешке или это сделали политически близорукие люди, или просто вредители.

Кроме того, в последнее время существенно изменилось отношение партийного руководства и правительства к вопросам, связанным только с социальным происхождением. Известная реплика т<оварища> Сталина к речи т<оварища> Тильбы на съезде комбайнеров ("сын за отца не отвечает") говорит именно об этом. Ясно, что, если НКВД допустило в отношении меня преследование исключительно по мотивам происхождения, то теперь, после такого авторитетного уточнения необходимо немедленно исправить ошибку. Не случайно постановление ЦИК и СНК СССР от 29/ХІІ-1935 г<ода> отменяет ограничение при поступлении в ВУЗ'ы. Ведь оно расширяет мои права до небывалых размеров — я могу беспрепятственно идти учиться в ВУЗ'ы. Так, неужели же я все-таки не имею права жить и работать там, где я хочу и где я действительно нужен?!

На основании всего этого я прошу исправить, хоть и поздно роковую ошибку, восстановить меня в правах советского гражданина, обменив документ административно ссыльного на нормальный паспорт, тем самым сняв с меня позорное наименование ссыльного, приравненного к преступнику, и дать мне возможность работать также честно и плодотворно, как и до ссылки, используя все свои знания и опыт. Где я буду работать — это уже другой вопрос: во всяком случае там, где я больше нужен, где я с большей эффективностью могу приложить свои способности.

А матери Александре Дмитриевне Шуваловой и бабушке Прасковье Прокофьевне Пошехоновой я прошу дать возможность выехать к моему отцу в г<ород> Кутаис, где они могут жить на его иждивении.

Шувалов.

13-е января 1936 г<ода>.

Адрес: г<ород> Куйбышев, Желябовская ул<ица>, 30, кв. 3»².

В апреле 1936 — Юрий Николаевич Шувалов, в ответ на письмо из Помполита, передавал через Екатерину Павловну Пешкову заявление в НКВД.

<19 апреля 1936>

«Е. П. Пешковой
Москва

В ответ на Ваше требование (№ 5079 от 22/ІІ-36 г<ода>) прилагаю короткое заявление на имя НКВД, но все же прошу по возможности дополнить его ранее присланным материалом, т<ак> к<ак> на одной странице все равно все мотивы заявления изложить невозможно. Главное, прошу составить Ваше собственное мнение обо мне и действовать уже перед НКВД не одними моими бумагами, оказав действительную, а неформальную помощь.

Ю. Шувалов.

Мой новый адрес: г<ород> Куйбышев, Спортивная улица, Немецкое кладбище. Шувалову Ю. Н.»³.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1471. С. 96-100. Машинопись, подпись — автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1471. С. 83. Машинопись, подпись — автограф.

Летом 1936 — по ходатайству Помполита Юрию Николаевичу Шувалову высылка в Куйбышев была отменена и разрешено вернуться в Ленинград. В августе 1936 — он обратился с заявлением в НКВД.

<15 августа 1936>

«В НКВД
Особое совещание

Шувалова Юрия Николаевича,
бывш<его> ссыльного г<орода>
Куйбышева. Адрес: Спортивная
ул<ица>, Немецкое кладбище.

Заявление

В июне с<его> г<ода> мне отменена ссылка в г<ород> Куйбышев. Однако, мои иждивенки, мать Александра Дмитриевна Шувалова и бабушка Прасковья Прокофьевна Пошехонова, не освобождены.

Дело в том, что только мое освобождение ничего фактически не изменяет. Я должен ехать в Ленинград для восстановления на учебе, но не могу бросить престарелых иждивенцев в ужасных, жилищных условиях в г<ороде> Куйбышеве (мы занимаем маленькую комнату в Кладбищенской сторожке за 50 руб<лей> в мес<яц>) и без средств к существованию. Поэтому я прошу освободить мать и бабушку для того, чтобы мать могла поехать к моему отцу в г<ород> Кутаис, где тот работает и имеет жилище, а бабушка, 80 л<ет>, в Ленинград к одним из родственников.

Ю. Шувалов.

15.VIII.36»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1471. С. 84. Автограф.